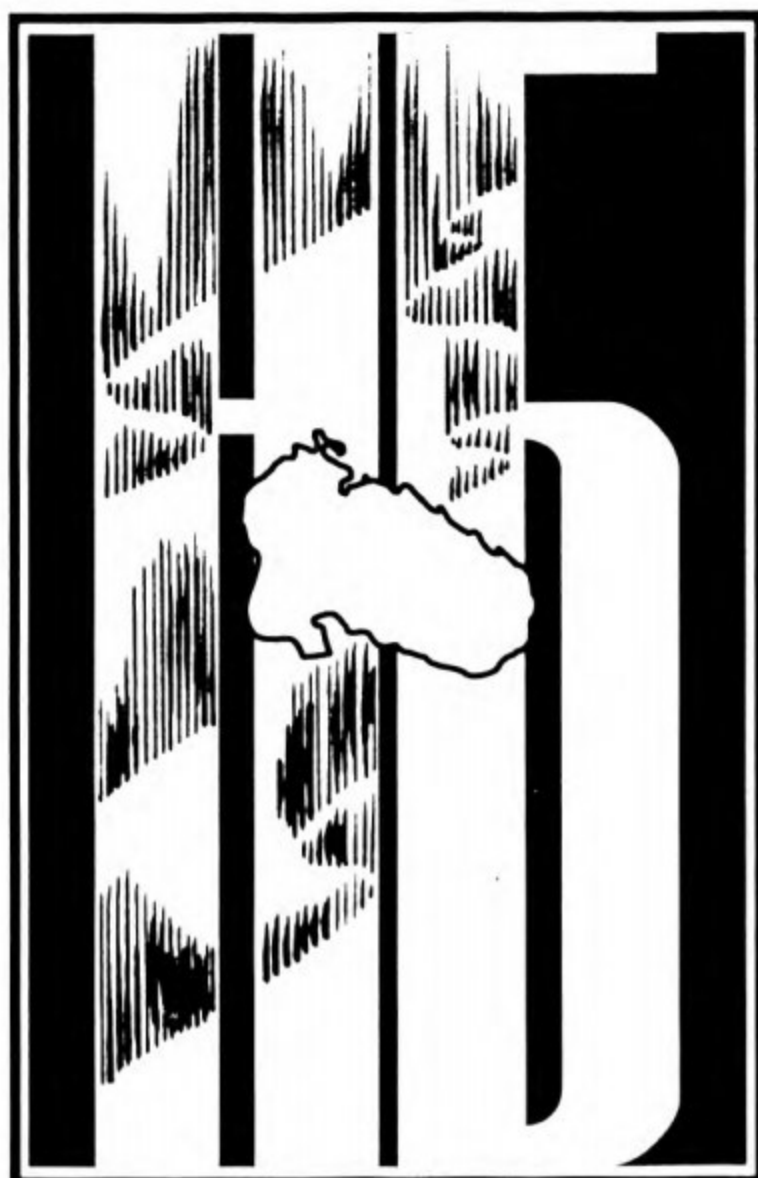

У истоков саамской письменности

В. В. Сорокажердьеv

Захарий Ефимович Черняков — лингвист, педагог, знаток саамской культуры... Редкой судьбы человек. Ровесник XX века, два с половиной года не дожид до столетнего юбилея. А, наверное, мог бы — до последних дней своих оставался работоспособным, с ясным умом и памятью, немало рассказывал гостям Севера о далеких двадцатых годах, когда неисповедимые пути познания привели его на Кольский полуостров.

В 1936 году после окончания вуза Черняков оставлен на кафедре этнографии Ленинградского госуниверситета и по ее заданию отправился на Север изучать саамов. В Мурманске в то время складывалась краеведческая группа, занимавшаяся лопаристикой, — Алымов, Комшилов, Михайлов. На первых порах они помогли молодому ученому, познакомили с туломскими и ловозерскими лопарями.

Со временем Черняков хорошо изучил язык этого небольшого народа, его обычаи, уклад жизни, фольклор. Позднее и сам учил молодых саамов, когда преподавал в Институте народов Севера. Он с душой и пониманием относился к их нуждам: рекомендовал в

институт, в школу, интернат, хлопотал об организации в Мурманске Дома оленевода. Его уважали, называли «Сахкре Ефим альк» — то есть Захар, Ефима сын. Иногда в газетах под заметками так и подписывался «Сахкре Е.».

В 1933 году Черняков перебрался в Мурманск на постоянную работу, состоял членом комиссии по районированию при президиуме окрисполкома, был ответственным секретарем Комитета нового алфавита.

Вершиной его творчества стал первый саамский букварь — «Саамь букварь». В создании учебника ему помогали образованные люди, владеющие разными диалектами языка, — Никон Герасимов, Яков Осипов, Ирина Матрёхина. За основу взяли кильдинский диалект, им хорошо владела Анастасия Трофимовна Осипова.

Букварь издали в том же 1933 году полуторатысячным тиражом, а через два года... изъяли из обращения, власти посчитали его идейно вредным. Мало того, через три года некоторые помощники Чернякова были осуждены и среди прочих обвинений фигурировал «антисоветский букварь». Ловозерскому учителю

З. Е. Черняков

Я. А. Комшилов

М. Н. Михайлов

Александру Григорьевичу Герасимову дали десять лет за то, что по букварю учил детей грамоте.

Черняков в тридцатые годы уцелел, хотя в многостраничном следственном деле его фамилия мелькает постоянно. По словам следователей НКВД, научная деятельность Алымова и сотоварищей — это ширма для контрреволюции, а идея Чернякова создать на Кольском полуострове два саамских района — есть попытка образования саамского государства и выхода из СССР. Преступная цепочка тайной организации прослеживалась так: якобы в Ленинграде профессор Д. В. Бубрих завербовал сотрудника Академии наук В. К. Чернякова и преподавателя Института народов Севера А. Г. Эндюковского. Черняков же завербовал Алымова, а тот — саамских интеллигентов.

Незадолго до смерти в беседе с ловозерской писательницей Надеждой Большаковой Захарий Ефимович рассказывал: «В дни сталинского режима в анкетах я писал все как есть. Ложь принесла бы только вред. Писал, что отец был всегда религиозным человеком. Я описывал в своей биографии все подробно, ничего не скрывая. И это спасло. Были на меня доносы — якобы я являюсь организатором тайного саамского союза и намереваюсь создать саамское государство, чтобы объединить его с Великой Финляндией. Но так как в этих доносах было много противоречий, они обошли меня стороной. Хотя выжить в то время все равно подарок судьбы».

Спасли Чернякова, видимо, сжатые сроки следствия и переезд в Москву.

Черняков не оставил воспоминаний об Алымове, переписку с ним в столь суровое время он не считал нужным хранить, а архив Василия Кондратьевича, как мы знаем, после ареста уничтожили. Но кое-что сохранилось. 21 января 1930 года на брошюре «Первый урок саамского языка (иокангский диалект)» Черняков надписал: «На добрую память Василию Кондратьевичу Алымову — первый опыт составления лопарский азбуки — от составителя».

В статье «Загадка саамского народа» Черняков так характеризовал научные взгляды старшего товарища: «Известный мурманский краевед В. К. Алымов первый обратил внимание на саамские (протосаамские) слова, которые поразительным образом сохранились в романских, германских и славянских языках Европы. Алымов не был профессиональным ученым, но любил науку и глубоко вникал в содержание исследуемого вопроса. Мне приходилось неоднократно беседовать с ним, спорить по многим вопросам. С грустью говорил он об утрате саамами родного языка, ставил знак равенства между языковой и этнической ассимиляцией, что, разумеется, не одно и то же. Торопился с изучением саамского языка, указывая на неизбежность его исчезновения. К счастью, в этом вопросе он ошибался».

Что касается происхождения оленеводства, В. К. Алымов, на мой взгляд, занимал правильную позицию. Он считал, что олень является древнейшим

из прирученных животных, не считая собаки. Названия животных у античных народов Европы, в том числе домашних, заимствованы у протосаамов. Например, латинское и греческое название быка — бос и боус Алымов связывал с саамским названием домашнего оленя — пуадз. Название оленьей самки у саамов задж и вайч (по-русски — важенка) перекликаются с латинским названием вакка и французским ваш, что означает “корова”.

Кересь по-саамски — это сани в виде лодочки, которая приспособлена для передвижения по земле с запряженным оленем. Это слово, по мнению Алымова, означало первую повозку, в которую человек запряг оленя. С этим названием перекликается латинское слово каррус, французское каррос, русское карета.

В добавление к высказываниям Алымова я мог бы привести большее количество и других примеров».*

В 30—50-е годы Черняков работал в Институте этнографии Академии наук СССР, в годы войны — в Военно-топографическом управлении Генштаба Красной Армии, преподавал в вузах и школах, уча-

ствовал в подготовке и проведении Всесоюзной переписи населения 1959 года, составлял карты народонаселения с национальным уклоном.

И в последующие годы он по-прежнему интересовался жизнью кольских саамов, следил за успехами поэтессы Октябрины Вороновой, приветствовал создание саамского букваря Александры Антоновой, неоднократно приезжал в Ловозеро и Мурманск, в Апатиты. Обобщая материал, собранный за полвека, работал над «Очерками этнографии саамов». Рукопись долгие годы пролежала в столе и все же издана — к сожалению, не в России, а в Финляндии. Увы, книга не застала автора в живых.

В 62 года Черняков, казалось бы, окончательно вышел на пенсию с преподавательской работы, но продолжал трудиться, знания его требовались людям. Даже в девяносто с лишним лет он занимался со студентами в российском университете Дружбы народов.

Умер ученый 28 ноября 1997 года и похоронен в Москве.

* Черняков З. Загадка саамского народа // Поляр. правда, 1976, 26 окт.